Н.П. Деменкова
Омский государственный педагогический университет

Концепт судьбы в поэзии А. Блока

10.01.01 – русская литература

А В статье предметом анализа становится концепт судьбы, воплощенный в поэтическом наследии А.Блока и рассмотренный в контексте его авторского мифа. Выявлены мифологические корни блоковского представления о судьбе, рассмотрены культурные контексты, повлиявшие на его формирование. Подробно проанализированы мотивно-образные комплексы, представляющие данный концепт. В качестве онтологических категорий, организующих авторский миф Блока, названы София (Душа Мира) и Фаина (Судьба).

Концепт «судьбы» играет большую роль в традиционных культурах прошлого и настоящего, он связан с ценностными ориентациями, религиозными установками и менталитетом человека на протяжении всего его существования. Человечество, начиная с древнейших времен и вплоть до наших дней, стремится понять, что же такое судьба. С.С. Аверинцев дает ей следующее определение: «Судьба, в мифологии, в иррационалистических философских системах, а так же в обыденном сознании, неразумная и непостижимая предопределенность событий и поступков человека… Идея судьбы как противоположность идеи свободы социальна и постольку исторична» [1. С.635].

Аверинцев акцентирует два константных аспекта понимания судьбы:

1. Судьба темна и непознаваема сама по себе.

2.Единственная система координат, в которой она приоткрывается познающему сознанию – это оппозиция свободы и несвободы, где категория судьбы тождественна категории несвободы.

Изучением судьбы в сознании людей различных эпох, ее отражением в художественных системах занимались А.Ф. Лосев, В.П. Горан, О.М. Фрейденберг и многие другие. В данной работе мы выделили два ключевых для европейской культурной традиции концепта судьбы. Оба эти концепта восходят к Античности. 1.Судьба – Ананке как всеобщая необходимость и Судьба – Немезида как Суд – Возмездие. Это судьба вечная, она знает и судит прошлое и определяет будущее, сохраняя глубинную взаимосвязь между двумя этими временными категориями. Она властвует не только над человеком, но и над богами. Именно эта судьба, судьба – Рок лежит в основании космогонического мироустройства. 2.Судьба – Тихе, Фортуна как случай, удача. Мгновенное возвышение. Данный концепт судьбы был распространен как в римской культуре, так и в европейскую эпоху Возрождения. Эта судьба появляется и исчезает в одно мгновение, не зная ни прошлого, ни будущего. Фортуна – хозяйка мира, уничтожившая представление о непреложности существующего нравственного закона и не давшая вместо него нового. Именно поэтому для человека становится возможна борьба с ней. Ведь он от Бога, значит, сильнее ее. Этой борьбой, предвкушением победы и был поглощен человек-титан эпохи Возрождения. Макиавелли писал в «Государе»: «…я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ибо Фортуна – женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать – таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело. Поэтому она, как женщина, подруга молодых, ибо они не так осмотрительны и более отважны» [2. С.375].

Именно эти два представления о судьбе попеременно сменяли друг друга вплоть до Нового времени. С развитием естественнонаучного мировоззрения категория судьбы постепенно утрачивает свое онтологическое значение, переходя в сферу обыденного сознания, где продолжают действовать две основные модели представлений о судьбе, сформировавшиеся еще мифологическим сознанием:

1.«От судьбы не уйдешь».

2.«Человек – хозяин своей судьбы».

Своеобразное возрождение онтологических аспектов понятия Судьбы происходит в начале XX века, в момент зарождения новой эпохи и творения нового «мифа о мире», но происходит оно в особой сфере: сфере художественного осмысления действительности, где каждый автор творит свой собственный мир, вернее миф о мире. И в авторском мифе А.Блока категория судьбы становится ключевой. Существенным представляется определить концепт судьбы, лежащий в основе авторского мифа, через отношение к ней лирического героя.

В представлении людей Судьба очень редко обретает персонифицированный образ (исключениями являются античные Мойры и Парки), чаще человек сталкивается с ее знаками или атрибутами. В культурной традиции существует ряд обозначающих Судьбу символов, к которому обращается и Блок в своей трилогии «вочеловечения». Это мотивы пути, пряжи, доли, чаши, факела, корабля и т.д. Этот метафорический комплекс проходит через два тома лирической трилогии и концентрируется в циклах «Снежная Маска» и «Фаина». Остановимся на некоторых из них.

С образом выбора и исполнения судьбы связан образ дороги, который является основным в творчестве Блока. В первом томе лирический герой находится в ситуации выбора жизненного пути, который определит его дальнейшую судьбу. Лирический герой направляет свой путь к пространству Вечной Жизни. Овладение этим пространством означает встречу с Прекрасной Дамой: «Я шел к блаженству. Путь блестел // Росы вечерней красным светом…» («Я шел к блаженству…», I, с.20), [3].

Но дальше лирический герой начинает ощущать дорогу уже как испытание: «Дорога моя тяжела, далека, // В недвижном томлении лес…» («Лениво и тяжко плывут облака...», I, с.37). Он, как сказочный герой, покидает привычное место своего обитания и идет к намеченной цели (к Прекрасной Даме). Но, как и в сказке, дорога, по которой он идет, приводит его к перепутью. Название последнего цикла первого тома «Распутья» является прямым указанием на возможность разного пути. Возникает мотив самостоятельного выбора собственной судьбы. Лирический герой оказывается на перекрестке, где - налево – смерть, направо – жизнь, но он не знает, как их различить. В первых изданиях сборника этот раздел назывался «Перекресток». Общеизвестна ключевая роль перекрестка как выбора между жизнью и смертью. Более того, перекресток является переходом из царства жизни в царство смерти. И лирический герой Блока избирает иной, противоположный изначально заданному направлению путь.

Крест, символика которого лежит в основе перекрестка, является, кроме направления в горизонтальном пространстве, связью между небом и землей, адом и раем. Он структурирует мир не только по горизонтали, но и задает направление свободного выбора по вертикали. И если в «Стихах о Прекрасной Даме» путь героя лежал вверх, по вертикали, он искал терем Прекрасной Дамы на высокой горе: «Отдых напрасен. Дорога крута // Вечер прекрасен. Стучу в ворота…» («Вступление», I, с.74), то теперь, стоя на распутье (стихотворение «На перекрестке»), лирический герой, как солнце, обращается «…к иным горизонтам, // к иным временам…» («Пузыри земли», II, с.8).

У героя возникает необходимость самостоятельного выбора пути, своей судьбы. Только от того, какой путь, какую дорогу он изберет сам, зависит его дальнейшая судьба. В этой ситуации выбор лирического героя становится роковым, так как совершается он в тот момент, когда герой не способен отличить добро от зла, истину от лжи, так как в пространстве перекрестка характерно смешение всех ценностей. Здесь силы добра и зла равны между собой и неразличаемы героем, а, отказавшись от путеводительницы, он предоставлен самому себе. Чем ближе лирический герой к перепутью, тем больше он впадает в ситуацию неразличения. Если в первом томе он проводит черту между Прекрасной Дамой и той, кого он определяет как Другую, то есть он их еще различает: «…Ты – другая, немая, безликая, // Притаилась, колдуешь в тиши…» («Будет день – и свершится великое…», I, с.142), то на перепутье он их перестает различать, они для него сливаются в один образ, лишенный и лика, и имени. Последнее существенно, так как имя определяет лицо и суть

вещи. В то же время лик характерен для образа Прекрасной дамы, ее образ иконописен. Другая же является ее антиподом:

…Кто Ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?
(«Ночь», П, с.48)

Этот отрывок ярко показывает нераздельность, а точнее, неразличимость двух сущностей, персонифицированных в лирике Блока как София и ее антипод. Лирический герой, обращается к героине с заглавной буквы («Ты»), что было характерно для его обращения к Прекрасной Даме. Между тем колдовство, зелье, мотив опаивания связан с образом Другой, а не Прекрасной Дамы. И в этой ситуации неразличения лирический герой вступает в инфернальное пространство неизвестной ему Другой, которая затем преобразуется в Снежную Маску, а после приобретает имя Фаина.

Таким образом определяет свою судьбу в финале первого тома лирический герой Блока. На первый взгляд, он действует самостоятельно. Но, с нашей точки зрения, его выбор санкционирован самой Прекрасной Дамой. Именно она направляет лирического героя к перекрестку: «…Ты говорила: «Приду,- // Жди на распутьи – вдали // Людных и ярких дорог…» («Жду я холодного дня…», I, с.140).

Выбранная лирическим героем «иная дорога» не отменяет семантики дороги как пути к Прекрасной Даме, заданной в начале первого тома. Это не есть измена Прекрасной Даме, Вечной Женственности, Софии, но это личный, индивидуальный путь лирического героя к ней:

Ты смотришь, тихая, строгая,
В глаза прошедшей мечте.
Избрал иную дорогу я, -
Иду, – и песни не те…
Вот скоро вечер придвинется,
И ночь – навстречу судьбе:
Тогда мой путь опрокинется
И я возвращусь к Тебе.
(«Когда святого забвенья…», I,с.196)

Мотив опрокинутости пути раскрывает амбивалентность данной метафоры. Он связан, прежде всего, с двумя персонификациями в трилогии Блока: Прекрасной Дамой и Судьбой, которая во втором томе приобретает имя Фаины. В этом же стихотворении заложено основание для сопоставления этих двух сущностей: сам лирический герой воспринимает их как начала, способные заменить друг друга: оставив Прекрасную Даму, он идет «навстречу судьбе».

Следующим знаком судьбы в художественном мире А. Блока становится кубок – чаша. Это один из древнейших атрибутов судьбы, как личной, так и судьбы всего человечества. Широко распространены народные пословицы и поговорки: «Дом как полная чаша», «Дом чаша чашей», «Какову чашу другому налил, такову и самому пить», «Не твоя чаша, не тебе и пить», «Чаша жизни». Владимир Даль дает следующий ряд метафор: «пить горькую чашу, мыкать горе, бедовать» [4. С.585]. В Новом Завете используется метафора чаши как жизненного пути и истины во время молитвы Иисуса Христа в Гефсиманском саду: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 22:39). Выражение «испить чашу до дна» означает прожить жизнь,

реализовать промысел Божий. У Блока же вместо чаши выступает кубок: Я пришел к ней с горьким весельем Осушить мой кубок до дна («Крыльцо Ее словно паперть…», I, с.299).

Кубок в большей степени связан с мотивом пира, гуляния, разгульного праздника. У Блока веселье лирического героя «горькое», безнадежное, после него нет блаженного опьянения. Его опьянение напоминает вызов чаше причастия. Как известно, чаша связана с темой евхаристии. «По учению церквей православной, католической и армяно-григорианской, в евхаристии хлеб и вино преосуществляются в истинное тело и кровь Христовы. В молитве: «Сотвори… хлеб сей честное тело Христа Твоего, а еже в чаше сей – честную кровь Христа Твоего, преломив Духом Твоим святым, аминь» [5. С.523].

Евхаристия является внутренним путеводителем человека в жизни. Между тем лирический герой Блока отказывается от причастия: «Кубок-факел брошу в купол синий - Расплеснется млечный путь… («Шлейф, забрызганный звездами…», II, с.105).

Мотив антипричастия, отказа от жизни заложен еще в лирике, предваряющей появление Прекрасной Дамы, в цикле «Ante Lucem»:

Боюсь, что в кубке расплеснется
Мое вино.
А между тем – кругом молчанье,
Мой кубок пуст.
(«31 декабря 1900г.», I, с.73).

В этих строках заложено все, что ожидает лирического героя.

Испитие вина, причастие – это соединение с Прекрасной Дамой, с Софией, Премудростью Божией. В Библии, в книге Притчей Соломоновых, Премудрость во время обустройства своего дома говорит людям: «Идите, ешьте хлеб мой, и пейте вино, мною растворенное, оставьте неразумие и живите и ходите путем разума…» (Прит. 8: 5-9). Ожидая встречи с Прекрасной Дамой, лирический герой боится расплескать свое вино, так как хочет испить его до последней капли. Судьба же его другая, поэтому и «кубок пуст». Ему не суждена встреча с Прекрасной Дамой. Он должен повстречать Другую:

Вмешалась в безумную давку
С расплеснутой чашей вина
На Звере Багряном – Жена.
(«Невидимка», II, с.170.

Это образ великой блудницы из «Откровения Иоанна Богослова»: «С нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле» (Откр. 17: 2). Она предстает «на Звере Багряном» и держит в руке своей золотую чашу, «наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее» (Откр. 17: 4). Именно этот «кубок долгой страстной ночи» испивает лирический герой в стихотворении «Крылья» раздела «Снежная маска».

Чаша жизни становится губительной чашей, вино Премудрости Божией – отравленным вином. Эта смена обусловлена трансформацией онтологических ориентаций Блока: мира света, мира Прекрасной Дамы миром тьмы, Другой – миром, управляемым Судьбой. Герой не волен изменить то, что предназначено свыше, не волен изменить свой путь, испить другую чашу, избежать своей доли - участи.

Итак, двумя основными онтологическими категориями, организующими авторский миф Блока, являются София (Прекрасная Дама) и Судьба (Фаина). По его представлению, они вместе представляют динамическую целостность Бытия, являются выражением двух ипостасей Мировой Души (основы Мира). София – это идеальное начало Бытия, просветляющее (преобразующее) реальность, неизменное пребывание души в самой себе. Судьба – действенное начало Бытия, ее функция – возмездие, разрушение старого, косного, всего,

что утратило «свет». В авторском мифе Блока эти две категории не существуют друг без друга, хоть никогда и не встречаются «лицом к лицу». Взаимосвязанность этих двух начал объясняется сознанием лирического героя и тем типом мироустройства, который он выбирает. Анализ лирического текста вскрывает двойственное отношение лирического героя к категории Судьбы: с одной стороны, он пытается смоделировать ренессансное мироустройство и занять в нем место хозяина Судьбы, с другой – он создает образ неминуемого античного Рока, который ему не подвластен. Рассматриваемый нами метафорический комплекс Судьбы обнажает следующую закономерность в онтологических установках автора: в мире, лишенном Божественного начала, господствует Судьба. И эта Судьба есть Смерть, неотвратимый Рок, вступая в сражение с которым герой обречен на поражение. Именно этот концепт судьбы и ложится в основу художественного мира Блока.

Библиография

1. Аверинцев С.С. Судьба // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.
2. Макиавелли Н. Избранные сочинения. – М., 1982.
3. Цит. по: Блок А.А.. Собр. соч.: В 8 т. – М., 1962. Том и страница указаны в скобках.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.1. – М., 1989.
5. Библейская энциклопедия. – М.,1991.